

Что делать, когда мир горит в огне

English title: *What to Do When the World is on Fire* (blog, September 24th , 2020)

Written by: Henry Coleman – Project Coordinator, Local Futures

Перевод/ translated by: Elena Fedina/ Елена Федина

В декабре 2019 года моя лучшая подруга Кит отвезла меня и мою партнершу в отдаленную долину Тора, где она выросла. В нетронутые лесистые предгорья Великого Водораздельного хребта восточной Австралии. Пока мы ехали по Дарквуду, единственной дороге, ведущей в Тору, Кит рассказывала нам истории о наводнениях и заплесневелых домах, о рождественских праздниках, проведенных в купальнях и собирании грибов под дождем. Она показывала, где обычно можно было увидеть впечатляющий уступ Порт Мельбурн, один из последних оплотов первобытного Гондванского тропического леса в Австралии.

Однако в декабре 2019 года уступ Порт Мельбурн, как и остальная часть юго-востока страны, был окутан густым дымом от самых страшных лесных пожаров в Австралии. Горели тропические леса, никогда прежде не знавшие огня. "Мегапожары" внезапно стали бытовым термином.

Но несмотря ни на что мы были в одной из самых влажных частей континента, непреклонные в том, что там еще можно было купаться, наслаждаться красотой и ощущать покой.

Мы остановились в красноватом послеполуденном свете, чтобы спросить у старого фермера дорогу к походному лагерю. Он открыл ворота своего загона для коров на берегу реки и пригласил нас разбить палатку там. Я был тронут тем, что такого рода щедрость и доверие между незнакомцами все еще сохраняются – по крайней мере вдали от больших городов.

Несмотря на почерневшие листья и длинные полосы обуглившейся коры, дождем сыпавшиеся на нас из гнетущего, синевато-желтого облака дыма, заполнившего небо, мы прекрасно провели время в этом загоне: мы готовили обед, искали утконосов в реке и рассказывали истории в сумерках в палатке.

Затем наши сердца ёкнули. Мы наблюдали через экран от насекомых как слабое оранжевое свечение на горизонте внезапно вспыхнуло, посылая в небо шлейф пурпурного пламени. До нас докатился рев, и мы увидели как пламя в считанные секунды охватило весь склон горы к юго-западу. Оставшись без выбора, мы поспешно собрали палатки и поехали к океану. Я никогда не забуду ошеломляющее чувство безнадежности и полной неадекватности, которое я испытал, когда мы прощались с великодушным старым фермером, который решил остаться и защищать свой дом.

Это чувство отзывалось во мне огромным отчаянием не только как в любителя природы, но и как в бердвочере почти с рождения. Эта планета и ее калейдоскоп видов дали мне так много – щедрую пищу для тела, ума и духа. Неужели перед лицом антропогенного изменения климата я не могу сделать ничего, кроме как паниковать и смотреть, как в моем зеркале заднего вида горит природа?

К сожалению, эта история актуальна не только для Австралии. В 2020 году Сибирь, Индонезия, Бразилия и Аргентина пережили самые страшные лесные пожары за последние десятилетия, а западные штаты США сейчас находятся практически в адовом пекле. Я сочувствую бесчисленным людям и живым существам, которые потеряли свои дома и свои жизни.

Я также сочувствую всей молодежи, которая справедливо опасаются за свое будущее. В 2018 году межправительственная группа экспертов по изменению климата сообщила, что у нас осталось не более двенадцати лет, чтобы ограничить изменение климата и избежать неопишуемой катастрофы. Как могут молодые люди быть открыты к подобному высказыванию, сохраняя при этом достаточно надежды, чтобы работать ради перемен? Новая реальность мегапожаров вынуждает меня и мою партнершу подвергать сомнению наши мечты о переезде в австралийский буш и строительстве маленького дома. Может, это слишком рискованно – оставить позади городскую бетонную безопасность и жить на природе? Для других, например для фермера из долины Тора (и еще для половины человечества, живущей в сельской местности), является ли опрометчивым решением остаться на своей родине и поддерживать земельный образ жизни? Должны ли мы все принять жизнь в тотальной урбанизации, повернувшись спиной к горящему миру в пользу "умного города" с климат-контролем?

Большинство мировых бизнес-лидеров без колебаний ответили бы на этот вопрос решительным "да". Ведь многие из них открыто говорят, что нашему виду суждено обитать в царстве роботов, интернета, космических кораблей и ультрасовременных мегаполисов, а не в царстве лесов, небольших ферм, коал и речных купален. В фантазиях Рэя Курцвейла из Google наша еда будет поступать из "управляемых искусственным интеллектом вертикальных зданий" и включать в себя "клонированное в пробирке мясо". По не столь скромному мнению Илона Маска из Tesla, строительство города на Марсе - это "краеугольная задача для максимального увеличения жизни человечества", даже если земным городам скоро потребуется "30 уровней туннелей", чтобы уменьшить автомобильные заторы.

Технологические парни далеко не одиноки в своем видение будущего. Оно поддерживается и большей частью движения за защиту окружающей среды. В

грубой уверенности, что человечество должно потреблять все больше энергии, активисты продвигают “зеленые” предложения для законодателей и программы Корпоративной Социальной Ответственности, которые будут штукатурить плодородную почву солнечными батареями и асфальтировать горные вершины для строительства ветряных турбин. Наши правительства вкладывают деньги в масштабные, энергозатратные технологии, чтобы высасывать углерод из атмосферы, в то время как геоинженеры предлагают отбеливать стратосферу диоксидом серы, чтобы отражать инфракрасный солнечный свет от земли. Защитники окружающей среды продвигают выращенные в лаборатории продукты питания как решение кошмара промышленного сельского хозяйства. Так называемые “прогрессивные” мозговые центры рисуют картину климатически ненормального мира, в котором человечество “адаптировалось”, переместившись в полярные широты и построив мегаполисы с населением в 2,5 раза больше, чем Манила (самый плотный мегаполис современности), импортируя энергию и сырье из заброшенных тропиков и субтропиков.

Я призываю всех моих молодых коллег-любителей природы и активистов сознательно отвергнуть – оптом – корпоративное, техноглобалистское будущее, которое нам продают. Подобные предложения представляют собой еще один вариант редуccionистского мышления и научного высокомерия, которые изначально оправдывали эксплуатацию биосферы – это то, что и привело нас к сегодняшней проблеме. Технологические “решения” по-прежнему не могут обуздать выбросы и нерациональное потребление, несмотря на то, они поглощают еще больше ресурсов и наносят ущерб еще большему количеству экосистем для того, чтобы работать. Более того, они в основном направлены на поддержание гигантской глобальной экономики, которая не может даже служить нашему собственному благополучию, не говоря уже о благополучии животных и экосистем, которые мы любим.

Мы уже видели, как экономическая глобализация подрывает средства к существованию и стимулирует конкуренцию за все более дефицитные рабочие места, одновременно эксплуатируя рабочих и ресурсы. Мы ощутили депрессию и стресс, которые она вызывает, поскольку она разрывает полотно сообществ и заставляет нас конкурировать в школе и на рабочем месте. Мы возмущены тем, как она создает огромные богатства для небольшой группы за счет большинства и укореняет глубокую расовую, культурную и экономическую несправедливость, которая заложена в колониальных истоках мировой экономики. Мы ощутили пустоту потребительской культуры, испытали серьезные последствия для здоровья от пагубных привычек, в которые она нас вовлекает, и испытали изоляцию и постоянную конкуренцию во время жизни в больших городах.

Нам нужно преодолеть серьезное заблуждение, что индустриализация - это единственный путь вперед. Ядовитый коктейль корпоративной глобализации, высокотехнологического развития и урбанизации не является неизбежным, и он не может предложить значимого решения тем кризисам, которые он создал.

Что же делать?

Переехать на ферму, бороться с огнем и молиться, чтобы мы не сгорели в этом пламени?

Ну, не совсем так. Мы должны выйти за рамки "воинственного" ответа: вроде того, как прошлым летом австралийские власти бомбили леса тысячами тонн токсичных антипиренов и тысячами литров морской воды. Это только ухудшило положение, поскольку отравило и без того уязвимые водные пути, экологию и поселения. Нет, мы не можем просто инвестировать в новые машины, технологии и крупномасштабную инфраструктуру для борьбы с природой.

Необходим совершенно иной ответ – целостный, системный, творческий, который действительно работает в связке с естественными процессами, а не против них. Нас призывают, чтобы пробудить потенциал человечества, чтобы исцелить землю: восстановить ее экосистемы, восстановить ее почвы, сохранить пресную воду и уменьшить выбросы углерода.

Это значит отбросить близорукую идею о том, что человечество может оставить только разрушительный след на Земле. Эта мысль угнетала и парализовывала меня в подростковом возрасте, и продолжает мучить слишком многих любителей природы. Давайте заново обратим внимание на большинство человеческих культур – включая и в особенности на коренные австралийские – которые последовательно обогащали биосферу. Как показывают такие передовые книги, как "Темный Эму и Огненная Земля" (Dark Emu and Fire Country), коренные народы улучшали экологическое здоровье и изобилие на протяжении тысячелетий, наблюдая и прислушиваясь к экосистемам, в которых они обитают, и изменяя их с помощью сельского хозяйства малого масштаба и локального управления ресурсами.

Основами для глубокой экологической мудрости коренных культур являются локализованные, укорененные на земле экономики, в которых процветание человека напрямую связано с местным экологическим изобилием. Точно так же, локализуя наши экономики в современном мире, мы можем заново построить экономику в экологию. Мы можем направить наши ресурсы (включая наш технологический гений) на максимизацию экологического восстановления,

одновременно удовлетворяя все потребности местных сообществ. Хомо сапиенс снова может стать целителем земли.

Системная локализация = повсеместное восстановление

Всю мою жизнь я искал надежду, основанную на фактах, в ситуации экологического кризиса. Мой путь был сформирован под влиянием автора, эколога и альтернативного экономиста Хелены Норберг-Ходж и ее организации Local Futures. Их документальный фильм 2011 года "Экономика счастья" избавил меня от уродливой идеи о том, что процветание человека и экологическое благополучие - это отдельные, взаимоисключающие цели. Этот фильм показал, что локализация является "мультипликатором решений", который восстанавливает интимные, взаимные отношения между людьми, а также между людьми и экосистемами.

В частности, локализация наших продовольственных систем является одним из наиболее значимых решений проблемы изменения климата. Звучит как сильное заявление? Послушайте, что я хочу сказать.

Большинство защитников окружающей среды знают, что нынешние сельскохозяйственные приемы разрушительны на многих уровнях. В глобализированной продовольственной системе огромное количество однородных товаров выращивается на обширных, ресурсоемких и химически интенсивных монокультурах и управляется сельскохозяйственной техникой, нуждающейся в ископаемом топливе. Животные выращиваются на высокотоксичных и загрязняющих окружающую среду промышленных фермах. Урожай облетает весь мир и возвращается обратно только для того, чтобы его обработали, упаковали и продали. Почвы остаются голыми и омертвевшими, уязвимыми для эрозии ветром и дождем. Фермеры и сельскохозяйственные рабочие трудятся в условиях, которые можно описать как современное рабство. В целом, сегодня эта продовольственная система в ответе почти за половину всех антропогенных выбросов парниковых газов, а также за огромное количество вырубленных лесов, деградацию почв, потребление воды и потерю биоразнообразия.

Локализация переворачивает это безумие с ног на голову. При локализации мы уделяем основное внимание производству разнообразных продуктов питания, волокон и лекарств для местных рынков, стимулируя эффект домино в увеличении биоразнообразия в сельском хозяйстве. Фермы начинают действовать как естественные экосистемы, возвращая органические вещества в почву и тем самым повышая ее потенциал связывания углерода. Предварительные

исследования показывают, что если бы такие сельскохозяйственные системы были созданы на всех возделываемых и пастбищных землях мира, то они могли бы поглощать более 100% нынешних глобальных выбросов углерода, производя при этом во много раз (согласно некоторым исследованиям - в 20 раз) больше пищи на акр.

У таких систем гораздо больше преимуществ, чем просто сокращение выбросов углерода. Агроэкологические методы ведения сельского хозяйства возвращают жизнь в землю. Посмотрите выступление Аллана Сейвори, чтобы понять, как восстановительный выпас коров, коз и овец озеленил обширные участки пустынных земель в Африке, или видео о том, как он вернул исчезающие виды в Великобритании. Или изучите историю Эрнста Гетша в Бразилии, который смог возродить четырнадцать сухих источников, восстановить леса на сотнях гектаров и вызвать больше осадков и более прохладную температуру в своем микрорегионе, имитируя экологическую преемственность видов из окружающего леса, производя при этом обильное количество пищи и древесины.

Как сельское хозяйство может повлиять на количество осадков? Увеличение лесного покрова на многоотраслевых фермах может вызвать образование облаков и усилить ветровые режимы, которые приносят дождь. Восстановление почвы превращает ее в губку для воды, позволяя дождю проникать и пополнять водоносные горизонты, а также питать растительность. Многие системы мелкомасштабного земледелия также включают в себя водоудерживающие ландшафты, такие как управляемые общинами системы прудов, болот и водно-болотных угодий, которые подпитывают грунтовые воды и поддерживают реки и родники. Мы не должны недооценивать важность этих результатов, особенно с учетом того, что высохшие земли и истощенные водоносные горизонты (опять же во многом благодаря промышленному глобализированному сельскому хозяйству) были центральной причиной для беспрецедентных пожаров как в Австралии, так и в США.

Еще существуют другие формы восстановления и устойчивости, которые люди могут подарить своим ландшафтам. Виктор Стеффенсен, практикующий традиционные практики пожаров, в книге "Огненная Земля" (Fire Country) подробно описывает как коренные хранители земли этого континента работали с огнем в течение многих тысяч лет, как для защиты от лесных пожаров, так и для активного улучшения экосистем. (Это очень похоже на ситуацию в Северной Америке, где люди коренных народов также работают с огнем для достижения тех же целей.) Они сжигают сухие кустарники, сорняки, мертвые травы и опавшие листья, чтобы освободить место для появления новых побегов и прорастания семян. Они сжигают все медленно, без сильного жара и по частям (позволяя животным убежать), следя за тем, чтобы не повредить крону деревьев. Они

опираются на глубокое знание земли, передаваемое из поколения в поколение, чтобы выбрать правильное время и место для сжигания, избегая сезонов гнездования наземных птиц и сезонов плодоношения ключевых источников пищи. Этот практический подход направлен не только на защиту людей, но и на увеличение биоразнообразия и живительного потенциала целых экосистем.

Позвольте мне подчеркнуть, почему более широкие рамки экономической локализации так важны для давно необходимых изменений в сельском хозяйстве и управлении ресурсами. Все подобные методы должны быть локальными по масштабу, медленными по темпу и тщательно управляемыми человеческими руками. Стандартизированные машины не могут засеять или собрать урожай на диверсифицированной ферме. Такие фермы требуют интимного ухода и чувствительного культивирования, которое могут предложить только человеческие руки. Аналогичным образом, такие методы, как традиционное управление огнем, требуют больше времени – больше рук и глаз на акр. Экономическая локализация – это структурный способ стимулировать и оживить этот вид мелкомасштабной, практической, богатой работой, общинно-ориентированной деятельности.

Сплоченная структура местных сообществ сама по себе является формой социальной и экологической устойчивости – силой, которую можно мобилизовать для защиты от стихийных бедствий. В районе Нимбин на северо-востоке Нового Южного Уэльса (популярное место у местных осознанных сообществ), лесной пожар у горы Нарди угрожал многим домам и выжег участки тропических лесов Гондваны, охраняемых Всемирным наследием. Однако пожар удалось локализовать благодаря самоорганизованной группе местных экосельчан, членов кооперативов и фермеров, получивших название "защитники общины".

“Без помощи [защитников общины] мы бы не сдержали этот пожар”, - заявил один из водителей пожарной команды. - “Они так здорово себя проявили, что мы были просто ошарашены”, - похвалил капитан, заметив, - “эти сообщества уже являются осознанными; у них уже есть полотно взаимопомощи. Я не очень понимаю, как это может работать в других местах, где есть частные арендаторы, и люди не знают своих соседей.”

Ключевая часть головоломки

"Смягчение последствий", "адаптация", "устойчивость" и "восстановление" – эти слова стали модными в экологическом движении, и они все чаще присутствуют в политических дискуссиях. Однако ключевая часть головоломки слишком часто

ускользает из виду: любое действительно климатическое решение требует большего количества рук на земле.

Это не значит, что мы все должны бросить нашу работу, оставить наши социальные связи и переехать в сельскую глушь, чтобы начать сажать деревья и выращивать собственную еду. Уже существует бесчисленное множество смелых молодых людей, выполняющих подобную новаторскую работу. Что нам действительно нужно, так это политические рамки, которые облегчат локализацию, чтобы нам не приходилось постоянно плыть против течения. Это означает такой комплекс политических предложений, который:

сделает местные продукты питания, одежду и строительные материалы дешевле и доступнее, чем продукцию с другого конца света,

оживит жизнь в небольших городах и поселках, обеспечив хорошие качественные рабочие места, хорошее и интересное образование и культурные возможности,

сократит расстояния между производителем и потребителем везде, где это возможно, чтобы обеспечить более прозрачную, более подотчетную и более демократическую экономику,

поощрит мелкомасштабное, диверсифицированное производство для местных рынков, а не крупномасштабное товарное производство для экспорта.

Мы могли бы поддержать восстановление местной, диверсифицированной экономики в сельских районах, одновременно связывая города с региональными производителями товаров первой необходимости. Мы могли бы перестать поддерживать глобализированные системы производства, управляемые неподотчетными корпорациями, и начать инвестировать в малые предприятия, которые структурно способны адаптироваться к местным условиям, участвовать в круговой экономике и уважать общественные отношения. Это означало бы перенаправление экономических субсидий, налогов и регулирования с поддержки энергетики и технологий на содействие занятости. Например:

Вместо того чтобы тратить десятки миллионов долларов налогоплательщиков на аренду огромных бомбардировочных самолетов у иностранных компаний, мы могли бы нанять людей для проведения традиционных локальных пожаров под наблюдением местных экспертов.

Используя всего половину денег, выделяемых для большой агропромышленности в качестве субсидий, мы могли бы поддержать фермеров в переходе к восстановительным практикам и финансировать создание еще большего количества небольших ферм.

Вместо того чтобы вкладывать деньги в инфраструктуру для все большей глобальной торговли, мы могли бы укрепить местные цепочки поставок и восстановить гораздо более легкую инфраструктуру, необходимую для местных рынков и малого бизнеса – например, железные дороги, почтовые отделения, общественные рыночные пространства.

Вместо того чтобы подписывать договоры о “свободной торговле”, которые дают международным корпорациям еще больше свободы делать все, что им заблагорассудится, мы могли бы начать менять законы регулирования, одновременно сокращая формальности и бюрократию, которые слишком часто душат мелких игроков и общественные начинания.

Всего пару лет назад сама идея изменения законов отпугнула бы многих людей (особенно молодежь). В то время основной поток сообщений об экологической и социальной справедливости все еще был сосредоточен на изменении личного поведения. Но я с воодушевлением вижу сдвиг и в социальных сетях, и в беседах с моими сверстниками. Мы все чаще используем наше воображение, чтобы выйти за удручающие рамки неolibерального капитализма и индустриальной современности, и мы осознаем, что у нас есть коллективные демократические мускулы, которые нужно тренировать. Как никогда прежде мы готовы принять вызов и работать на систематические изменения.

Поэтому я считаю, что наша самая неотложная задача состоит в том, чтобы представить себе будущее, связанное с землей, и потребовать принятия политических мер для его осуществления. Представьте себе: наделенные полномочиями и отзывчивые сообщества и все большее количество малых предприятий работают над созданием водосберегающих и устойчивых к наводнениям ландшафтов, информированного управления земельными ресурсами, биоразнообразных ферм и живых экосистем. Эти элементы могут пересекаться, чтобы сформировать полотно нашего будущего; полотно, которое может дать нам оптимизм и безопасность, даже когда на горизонте виднеется признак изменения климата.

Это выходит далеко за рамки перехода нынешней глобальной экономики на возобновляемые источники энергии. Если мы будем откровенны сами с собой, то мы знаем, что наша любовь к природе гораздо глубже. Она предполагает, что человеческие общества заново интегрируются в природный мир, поддерживаемый продовольственными лесами и комплексно управляемыми экосистемами, питаемый мелкомасштабными, принадлежащими общинам возобновляемыми источниками энергии. Она стирает грань между диким и культурным, между человеческим и нечеловеческим, между индивидуумом и Вселенной.

Скрытая способность к исцелению

В те несколько месяцев, прошедших с момента, когда наконец-то пришли дожди и погасили пожары, одной из моих величайших радостей было наблюдать невероятную восстановительную способность сожженных лесов. Почерневшие стволы эвкалипта и бэнкси, с бумажной корой и темно-красной древесиной, с водой у корней превратились в ярко-розовые и зеленые листовые побеги. На пепельной земле проросли папоротники и другие побеги. Леса превратились из мрачных кладбищ в трепещущие дворцы хлорофилла, и снова можно было увидеть лирохвостов, медленно царапающих восстанавливающую почву.

Меня утешает то, что мы, люди (даже ученые среди нас), не можем полностью понять невероятную восстановительную способность нашей планеты. Поэтому мы можем надеяться, что мрачные научные модели и предсказания будущего не являются окончательной картиной. Я верю, что если мы сместим нашу глобальную экономическую систему в сторону множества систем, которые поддерживают практическое культивирование и обновление экосистем, и если мы сместим наши культуры в сторону почитания, а не угнетения Земли, мы сможем поверить, что Мать Земля может меняться удивительным образом, чтобы восстановить баланс глобального климата и поддержать жизнь. Осмелюсь сказать, она действительно этого хочет.

Если это звучит наивно, вспомните, что научное высокомерие всегда было экологическим врагом номер один – мы думали, что природа механична и предсказуема, что ее можно расчленивать, предсказать и ею можно манипулировать. Но теперь даже наука движется в более целостном направлении. Мы узнаем, что такие крошечные вещи, как атомы, принципиально непредсказуемы – по словам Руперта Шелдрейка, они обладают врожденной свободой. Несомненно, то же самое происходит и с экосистемами, океанскими течениями и погодными системами.

Коренные народы всего мира рассказывают об осознанных силах, духах гор, рек, лесов и морей. Что, если мы сможем пробудить эти силы, если только мы выйдем за пределы мрачных научных предсказаний о вышедших из-под контроля экологических смертельных спиралях и климатических тикающих бомбах, посвятим себя более прекрасному будущему? Мы никогда не понимали истинной сложности живого мира. Шагнув в это смирение и воплотив веру в несказанную силу и глубинное желание Матери Земли поддержать жизнь, быть может мы сможем высвободить каскад восстановительной силы, которую мы не осмеливаемся себе представить.

После пожаров я с удивлением наблюдал, как на некоторых деревьях через неделю или две проросли новые побеги, в то время как другие того же вида и в тех же местах месяцами оставались безжизненными. Сложность и уникальность всей окружающей нас жизни отрицает редуционистскую категоризацию – мы просто не можем полностью понять природу природы.

Однако, мы можем призвать к экономике смирения; экономике, которая уважает разнообразие и динамические потоки природного мира; экономике локализации. Мы можем работать над деконструкцией “невидимой руки” глобального технико-экономического Джаггернаута и заставить его ослабить мертвую хватку на горле природы. В смиренном понимании того, что у Земли есть все необходимое для процветания, мы можем приложить свои собственные руки, чтобы вернуть ее к жизни.

Если мы сделаем это, то сможем поверить в будущее расширяющихся тропических лесов, текущих рек, разнообразных видов и стабильного климата. Мы сможем верить в мир без голода и засухи, без системного насилия и экономической несправедливости. По словам Чарльза Эйзенштейна, мы можем верить в то, что более прекрасный мир, который знают наши сердца, возможен.

Фото: Генри Коулман

Read blog in English here: <https://www.localfutures.org/what-to-do-when-the-world-is-on-fire/>

Read all our blogs here: <https://www.localfutures.org/blog/>